

УДК 94(37).07

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И ИМПЕРАТОРСКАЯ ВЛАСТЬ В ОЦЕНКАХ И СУЖДЕНИЯХ ГРЕЧЕСКИХ АВТОРОВ ВРЕМЕН АНТОНИНОВ И СЕВЕРОВ

© 2015 г.

К.В. Марков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

mkv_2003@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2015

Рассматривается восприятие Рима и римской власти греческими интеллектуалами во II – начале III века. Рассмотрены методологические сложности такого исследования, изучены ключевые факторы, определявшие отношение авторов к Риму, в том числе культурная идентичность греков, специфика римского правления в греческих землях, социальное положение и особенности карьеры отдельных писателей. Вопреки утвердившемуся среди современных исследователей мнению об относительном единстве восприятия греками римской власти в эпоху «греческого возрождения», материалы статьи показывают, что в оценках и суждениях Плутарха, Элия Аристиды, Арриана, Павсания, Галена, Флавия Филострата, Диона Кассия имеются определенные различия, которые могли быть связаны с особенностями социального положения авторов и разной степенью вовлеченности в общественную и политическую жизнь Рима.

Ключевые слова: Древний Рим, Вторая софистика, культурная идентичность, Плутарх, Элий Аристид, Арриан, Павсаний, Гален, Флавий Филострат, Дион Кассий.

Изучение т.н. «греческого возрождения», ознаменованного заметным оживлением социально-экономической и культурной жизни греческих городов во II – начале III в. и господством Второй софистики в литературной сфере, стало одним из наиболее заметных явлений в современном антиковедении, особенно после публикации ряда основополагающих работ Дж. Бауэрсока, Ю. Боуи и Б. Реардона на рубеже 1960–1970-х гг. [1–3]. Эти исследователи свежим взглядом оценили имеющиеся источники, определили ряд новых направлений, заложив тем самым основу для современного изучения проблем греческой культурной идентичности в период принципата, и в том числе проблематики восприятия греческими авторами Римской империи и римской власти [4–10]. В настоящее время многие историки и филологи-классики придерживаются мнения о некоторой «сдержанности» или даже «враждебности» греческих авторов в отношении римлян, объясняя подобное восприятие тем, что греки не могли смириться с необходимостью подчиняться тем, кого они считали если не варварами, то в любом случае людьми, уступающими эллинам в образованности и в целом в уровне культурного развития. Вместе с тем исследователи, несмотря на стереотипы, могут по-разному интерпретировать суждения отдельных авторов. Один из примеров – современные трактовки воззрений Павсания. Есть мнение, что, в представлении Павсания, после Филиппа II наступает своего рода «конец истории», и поэтому о современ-

ном ему греческом мире он пишет словно о классической Греции, которую он идеализировал. Такое уравнивание прошлого и настоящего рассматривается как выражение «культурной оппозиции» Риму [11, р. 497]. Данная версия не находит поддержки у тех исследователей, которые полагают, что провозглашение Павсания «героем греческого культурного сопротивления» – это не что иное, как «насилие над очевидностью» [12, р. 42; 13, р. 14]. Пример Павсания показывает, сколь разными могут быть трактовки воззрений одного и того же автора. Кроме того, очевидна неоднозначность, многогранность взглядов некоторых греческих интеллектуалов. Например, Арриан предстает в исследованиях последнего времени «верным служителем» Рима, который вместе с тем ощущал себя греком и гордился греческой культурой и историей [14, р. 3; 15, р. 122–123, 126]. Думается, что наличие различных, порой противоположных трактовок суждений греческих авторов о Римской империи и императорской власти в известной степени обусловлено определенными методологическими проблемами изучения данной темы. Во-первых, большинство имеющихся в нашем распоряжении источников не относится к числу частных документов, которые, как никакие другие, могли бы помочь составить реальное представление о том, что их авторы на самом деле думали о Риме, насколько они ощущали себя частью империи, как воспринимали своих современников и т.д. Вместо этого мы, как правило, имеем дело с текстами, кото-

рые изначально были предназначены для публикации, и, следовательно, возможно расхождение между реальными воззрениями авторов и их намерением произвести определенное впечатление на публику. Во-вторых, следует учитывать влияние Второй софистики, приведшей к засилью в греческих текстах идеологических клише и риторических штампов, за которыми порой сложно разглядеть реальное мнение самого автора. Влияние риторики выражалось и в практике т.н. «фигуративной», т.е. иноказательной, завуалированной речи (*ἑσχηματισμένον ἐν λόγῳ*, *elocutio figurata*) [16, p. 185–188; 17, p. 287–290]. Дело в том, что далеко не всегда авторы могли открыто высказывать свое мнение и поэтому были вынуждены прибегать к аллюзиям, метафорам, иронии и прочим приемам, позволяющим сгладить острые углы и «соблюсти приличия»¹. Таким образом, не все суждения греческих писателей мы можем воспринимать буквально. Осознание этого обстоятельства привело к тому, что в работах последнего времени стали популярными поиски скрытых смыслов и чтения между строк [13, p. 13; 18, p. 137; 19, p. 174–208]. Например, исследователи обратили внимание на то, что авторы Второй софистики вместо римских географических названий употребляют древние греческие обозначения: «Кельтика» вместо «Галлия», «Иберия» вместо «Испания», «Дикеархия» вместо «Путеолы» [6, p. 112; 20, p. 122]. Подобное «игнорирование» римских реалий рассматривается как форма завуалированной оппозиции Риму. В том же ключе трактуются т.н. «умалчивания» Элия Аристиды, замеченные исследователями в «Похвале Риму» [18, p. 125–126; 21, p. 564 n. 300]. Прославляя империю, автор не упоминает ни одного римского имени, практически ничего не сообщает о римской истории и культуре, и вместе с тем в заключительной части речи описывает положение греческих городов под властью Рима [6, p. 276–280; 16, p. 188–191; 22, p. 224–227].

Итак, изучение восприятия Римской империи греческими интеллектуалами сопряжено с целым рядом методологических трудностей, которые существенно осложняют процесс выявления общих тенденций, и, как свидетельствуют продолжающиеся дискуссии вокруг отдельных авторов, греческие суждения о Риме и римской власти могли быть неоднозначными, многогранными, содержать различные смысловые оттенки. Современные исследователи выделяют ряд факторов, влиявших на отношение греков к римлянам. Роль этих факторов определяется по-разному, но, как уже было отмечено выше, именно греческой идентичности, нередко выражавшейся в идее культурного превосход-

ства эллинов над всеми остальными, часто отводится роль краеугольного камня, основы для греческого восприятия прочих народов, в том числе и римлян. В рамках данной статьи мы рассмотрим ряд обстоятельств, оказывавших влияние на отношение греческих интеллектуалов к Римской империи и императорской власти и на конкретных примерах попробуем определить значимость каждого из факторов.

Согласно С. Свэйну, греческая идентичность всегда проявлялась в виде оппозиции «эллины» – «не-эллины» (т.е. варвары), а во времена Второй софистики желание греков быть именно греками стало реакцией на римское политическое доминирование [6, p. 411]. Этот вывод С. Свэйна был подвергнут критике К. Джонсом, который склонен рассматривать идентичность греческих интеллектуалов как нечто более сложное, нежели акцентирование противопоставления греков римлянам. Например, у Павсания были лидийские симпатии. Аристид был связан с провинцией Азия, Пергамом и Смирной [13, p. 21]. Тенденция последнего времени действительно состоит в том, чтобы исследовать именно идентичности, а не общеэллинскую идентичность, которая рассматривается как абстракция, отличающаяся от реальной действительности, имеющая отношение скорее к литературной реальности, нежели к настоящей самоидентификации греческой интеллектуальной элиты II–III вв. [23, p. 290–291, 293.]. Вместе с тем противопоставление эллинов варварам часто предстает в текстах Второй софистики как своего рода литературное клише, но вопрос заключается в том, в какой степени это противопоставление подходит для описания реального восприятия, тем более что к «варварам» некоторые греческие авторы могли причислять не только «не-греков», но и, например, своих соплеменников, не говорящих на аттическом диалекте (Philostr. VS. 553). В некоторых случаях у авторов Второй софистики действительно проскальзывает «снобизм» в отношении иноземцев. Яркий пример — это ремарка Арриана о начертанных «по-варварски» греческих надписях на Алтаре в Трапезунде (Arrian. Periplus 1. 3) [14, p. 1–2]. Элий Аристид в одной из «Священных речей», описывая свой путь в Италию, лежащий через реку Гебр и македонский город Эдессу, упоминает о том, как он искал проводников из числа «варваров» (Or. XLVIII. 61). Греки же не были склонны называть варварами римлян, но в некоторых случаях они могли выразить свое отношение косвенно. Дион Хрисостом, негодую по поводу своего изгнания из Рима, сравнивает римского императора Домициана со скифским царем и называет его деспотом (Dio Chrys. Or.

XIII. 1; ср. Or. XLV. 1). И в 13-й речи и в ряде других своих выступлений он нелюбезно отзывался о римской «необразованности», манерах, образе жизни (Or. XIII. 29–31; см. также речи XV, XXXI) [24, p. 87]. Плутарх в жизнеописании Тита Квинтия Фламиния, повествуя об «освобождении» и «умиротворении» Греции Римом, называет пришельцев из Италии «чужеземцами, сохранившими, вероятно, лишь слабые искорки общего древнего родства... от которых странно было ожидать даже доброго слова в пользу Греции» (Flam. 11). Вместе с тем довольно взвешенные оценки мы находим у Галена, который долгое время прожил в римской среде и который, в отличие от некоторых других греческих авторов II в., воспринимал римские географические названия как данность и не заменял их наименованиями из греческого прошлого [25, p. 210]. Примечательно, что в основе суждений Галена лежат не стереотипы, а конкретные наблюдения автора, как, например, его замечание о том, что римляне иной раз не могут определить, какой доход за 14 месяцев принесут 25 637 аттических драхм, если ставка – 1% в месяц, и поручают такое вычисление сведущим в арифметике людям, словно самих их этому не учат (RHP. II. 3. 15). Вместе с тем некоторые из авторов не только не противопоставляют себя римлянам, но и позиционируют себя представителями римского государства и общества. Ярким тому подтверждением является пример Диона Кассия. Он был римским сенатором греческого происхождения, называл «родиной» греческий город Никею в Вифинии, с которым он поддерживал связь на протяжении всей своей жизни и куда он вернулся после завершения карьеры в Риме. Вместе с тем Дион нередко употребляет слово «мы», когда повествует о римлянах, особенно о сенате или же военных походах за пределами державы (XXXV. 41. 1–2; LX. 14. 1; LXXIII. 20. 1; LXXV. 3. 2–3; LXXVII. 12. 5; LXXX. 4. 1) [26, p. 3–4; 27, p. 13; 28, p. 377–381].

К факторам, определявшим отношение греков к римлянам, можно отнести формы и методы римского управления греческими провинциями, а также степень интегрированности греческой элиты в систему управления империей. Принято считать, что римляне проводили гибкую политику в отношении восточных провинций. Постоянно росло количество греков, получивших римское гражданство, о значимости которого сообщается в «Похвале Риму» Элия Аристид². Греческая элита получает доступ в сенаторское сословие. При Траяне и Адриане увеличивается количество сенаторов греческого происхождения, и к середине II в. они состав-

ляют, по некоторым подсчетам, половину всех сенаторов неиталийского происхождения [29, p. 261–264; 30, p. 219]. Римляне не обязывали греков изучать латинский язык. Греческий язык не разделил участь языков целого ряда народов, включенных в состав римской державы (этруский, умбрский, иберийский, галльский, германский, маврский и др.) [14, p. 5; 31, 599–623]. Более того, греческий становится по сути «административным» языком в восточных землях [23, p. 291; 31, p. 555–558]³. Греческие авторы отмечают такие положительные черты римского присутствия, как мир и стабильность. Например, Плутарх описывает начало II века как время, когда люди живут без тирании и войн (*An seni* 784f). Аристид хвалит римлян за поддержание мира благодаря легионам, размещенным по границам империи (Arist. Or. XXVI. 81–84). Вместе с тем, по мнению некоторых современных исследователей, греки в целом не уделяли пристального внимания военным структурам, не ощущали своей причастности к данной сфере [32, p. 39–40]. Отношением к военному делу и степени вовлеченности в военную службу они отличались от латиноязычного населения Африки и западных провинций. Возможно, как полагает Ю. Боуи, они признали превосходство римлян в этой сфере, или, быть может, несмотря на причастность к управлению государством на разных уровнях, продолжали считать империю и императоров «римскими», а не «своими». Некоторые греки (Гай Юлий Квадрат Басс, Тит Юлий Цельс Полемон) достигали значительных успехов на военной службе, но они не были типичными представителями греческой провинциальной элиты, для которой традиционным путем достижения доблести могли служить гимнастические соревнования на панэллинских играх, так же как и неформальные риторические состязания с известными софистами [32, p. 64].

Римская администрация отнюдь не являлась бюрократической машиной, управляемой многочисленными должностными лицами. Существенного административного давления не было. В провинции Азия, например, римская власть была представлена двумя проконсулами, которым подчинялись более двухсот самоуправляющихся общин. Греки, вероятно, ощущали себя достаточно свободными для того, чтобы характеризовать свои города как «тирании», «олигархии» и «демократии». Греческие поселения имели такие органы управления, как буле и городской совет, и являлись, по сути, олигархическими сообществами, где в социальной и политической жизни господствовали представители местной аристократии [33, p. 418]. И все

же, несмотря на мир, стабильность, относительную независимость, некоторые авторы и во II в. сетуют на утрату былой настоящей свободы и независимости. Например, Плутарх в «Наставлении по управлению государством» напоминает своим читателям: «Вступая в исполнение всякой должности, недостаточно иметь на уме те мысли, которые напоминал себе Перикл всякий раз, когда надевал хламиду: "Имей в виду, Перикл, ты управляешь людьми свободными, ты управляешь эллинами, управляешь афинскими гражданами". Нужно помнить еще и о том, что ты управляешь и тобою тоже управляют, – твой город подчинен проконсулам, наместникам цезаря. Это не "бой в открытом поле", не древние Сарды, не лидийская мощь. Полегче надо шить хламиду, на трибуну смотреть, обратив глаза от стратегия, не гордиться венцом на своей голове, ибо над головой твоей – римский башмак. Следует подражать театральным актерам, которые отдают свою страсть, спокойствие, достоинство тому, что они представляют, но, слушая подсказчика, не нарушают ни порядка, ни меры, заданной им властителями. Ошибка в делах вызывает здесь не свист, не осмеяние, не улюлюканье: многих поражал Страшный каратель – топор, рубящий шею...» (Plut. *Moralia* 813 [D–F]) [34, p. 90–1, 97, 100.]. В биографии Филопемена Плутарх устами этолийцев характеризует римское господство как «колодки, более гладкие, но гораздо более тяжелые, чем те, что они носили раньше»; еще одна метафора – «благодетель» Тит Фламинин «развязав Греции ноги... накинул веревку ей на шею» (Phil. 10). Элий Аристид в «Панафинейской речи» утверждает, что Афины почти столь же счастливы, как и в те времена, когда они владели Грецией. При нынешней власти, которая во всем наилучшая и величайшая, они опять главенствуют над всеми греками, и никто не пожелал бы вернуться в прежние времена (Or. I. 332; 335). Аристид, таким образом, признаёт, что ситуация изменилась, причём благодаря римскому имперскому режиму, и, казалось бы, Афины действительно должны быть довольны, ибо Рим избавил их от всех неудобств и оставил только преимущества, но, как полагает Ф. Перно, если мы посмотрим на текст пассажа более внимательно, то отметим некоторые нюансы. Афиняне «почти» (μικροῦ δεῖν) счастливы и никто не желает (досл. «не имеет охоты» (ῥαδίως) желать») возвращения в прошлое, или же речь идёт о том, что «не так просто пожелать» (опять-таки передаём дословно) вернуться к прежним реалиям? Подобная двойственность, по мнению Ф. Перно, является примером индифферентной речи. Ещё один похожий пассаж

(II. 430), в котором Аристид, сравнивая современные ему реалии с эпохой Платона и Аристотеля, констатирует, что теперь граждане «неохотно» (οὐ ῥαδίως) выступают с публичной речью или принимают участие в политических дебатах, потому что «ситуация» (τὰ πράγματα) другая. Альтернативная интерпретация – «нелегко» выступить, поскольку иной «государственный строй» [16, p. 185–188; 17, p. 294 – 295].

Неприятие римской власти в целом, как уже было отмечено выше, приписывается некоторыми исследователями и Павсанию. В качестве аргумента приводят несколько его упоминаний об основании города Никополя близ Акция и, что особенно важно, о произведенном в связи с этим Августом переселении этолийцев (V. 23. 3; VIII. 27. 1; X. 38. 4.), которое Павсаний называет «опустошением» (ἐρήμωσις) Этолии (VII. 18. 8; VIII. 24. 11) [14, p. 32]. Согласно иной версии, несмотря на то, в каких выражениях Павсаний описывает данный частный случай, к которому, судя по количеству упоминаний, он проявляет явный интерес, автор относился к римлянам более-менее нейтрально [35, p. 624]. Отдельная дискуссия развернулась вокруг одного из пассажей, в котором сообщается, что Мегалополь – наиболее молодой среди городов не только Аркадии, но всей Греции, за исключением тех, чьи обитатели были переселены во времена римского господства (κατὰ συμφορὰν ἀρχῆς τῆς Ῥωμαίων) (VIII. 27. 1). Одни полагают, что Павсаний употребляет слово συμφορὰ, переводимое как «случай», «происшествие», а иногда «бедствие», «несчастье» для того, чтобы представить власть римлян как некое «досадное обстоятельство» для греков [14, p. 32]. Другие отказываются видеть в данном пассаже негативное отношение автора к Римской империи. Такой вывод делается как исходя из общей трактовки воззрений Павсания, так и с учетом различий в изданиях текста «Описания Эллады», допускающих иное построение греческой фразы (κατὰ συμφορὰν <ἐπί τῆς> ἀρχῆς τῆς Ῥωμαίων), и, следовательно, иное толкование: κατὰ συμφορὰν понимается нейтрально, как «стечение обстоятельств» [36, p. 359–360]. Таким образом, у нас нет явных оснований утверждать, что Павсаний негативно относился к римскому управлению Элладой. Попытки трактовать его суждения с позиции общепринятых стереотипов вряд ли оправданны, ибо в данном случае гордость за Грецию и культурные достижения греков вовсе не предполагали пренебрежительного или неприязненного отношения к римской политике в греческих землях.

Наибольшее количество греческих суждений о римской власти связано с оценкой деятельно-

сти императоров. Отношение эллинов к властелинам Рима во многом зависело от их интереса к греческой культуре, греческой учености и Греции в целом. Например, Павсаний чествует Адриана и Антонина Пия за их общий интерес к Греции и помощь греческим городам (I. 3. 2; I. 5. 5; VIII. 43. 1–6). Элий Аристид также восхваляет римских императоров за поддержку малоазийских греческих городов (Or. XXVII. 4), в частности Смирны (Aristid. Or. XX. 5–8). Дион Хрисостом, Элий Аристид, Флавий Филострат очень часто пишут о риториках и философах как собеседниках и советниках императоров, имеющих возможность высказывать собственное мнение [37, р. 359–360]. Акцентирование подобных взаимоотношений между императорами и философами восходит еще ко временам классической Греции. Вместе с тем во II–III вв. мы видим некоторое новшество, а именно демонстрацию отстраненности, обособленности греческих интеллектуалов от власти в сочетании с экстраординарным своеволием в отношениях с правителями [37, р. 364]. В этом отношении особенно показательны «Жизнеописания софистов» Флавия Филострата. Здесь и Полемон, пренебрегший приглашением к Боспорскому царю (VS. 535), и Хрест Византийский, отказавшийся от императорской кафедры риторики в Афинах (VS. 591), и Элий Аристид, который три дня не являлся на встречу с Марком Аврелием, не желая прерывать свои ученые занятия (VS. 582). «Меня-то государственное устройство не заботит – я подначален лишь богам!» – произносит филостратов Аполлоний в присутствии Веспасиана (VA.35). Тому же самому принципу, видимо, следовал и Элий Аристид. Согласно материалам его «Священных речей» и материалам его биографии в изложении Флавия Филострата, ритор избегал любых государственных должностей и обязанностей, подчеркивая свою обособленность по отношению к политической и социальной системе (Or. XLVII. 23, 38; Or. LI. 45. См. также Philostr. VS. II. 9. 2). И все же авторам Второй софики было важно показать не только независимость греческих интеллектуалов и даже их своеволие во взаимоотношениях с правителями, но также интерес императоров к греческой науке и образованию и, следовательно, к общению с софистами, ведь в конечном итоге именно софисты оказывались заинтересованными в том, чтобы посредством прямого общения с правителями получать императорские почести, в том числе ощутимые материальные блага для себя и своих городов.

Проблематика взаимоотношений греческих интеллектуалов с императорами в трудах некоторых авторов связана с вопросом о власти про-

винциальных наместников. Сопоставим связанные с этой темой размышления Диона Кассия и Элия Аристида. Оба они, рассуждая о преимуществах римской императорской власти, находят основания для сопоставления Римской империи с демократией (Aristid. Or. XXVI. 38; Dio Cass. LII. 14–15). Вместе с тем их аргументы заметно различаются. Для Элия Аристида первостепенную значимость имеет такой аспект, как контроль императора за деятельностью наместников в провинциях, обеспечение их регулярной ротации, предоставление возможности обжаловать приговоры местных судов, в том числе решения наместников. «Безграничное и прекрасное равенство» (πολλὴ καὶ εὐσχήμων ἰσότης) достигается благодаря существованию главного могущественного судьи (δικαστῆς μέγας), «мимо которого не проходит ни одно справедливое требование» и который способен возвысить и низвергнуть любого (Aristid. Or. XXVI. 38–39).

Совершенно иной взгляд мы встречаем в «Римской истории» Диона Кассия. Его представления об империи как «истинной демократии» основаны на идее взаимодействия императора с сенаторской политической элитой Рима, которое в свою очередь предусматривает определение императором почестей и наказаний совместно с лучшими мужами (μετὰ τῶν ἀρίστων) (LII. 15. 1–2). Что же касается провинций, то автор устами Мecenата предлагает проявить к ним строгость. Городам запрещается иметь народные собрания, тратить средства на общественное строительство, устраивать празднества и зрелища, обеспечивать пожизненное содержание победителей соревнований (кроме победителей Олимпийских и Пифийских игр, а также игр, проводимых в Риме), иметь собственную чеканку и свою систему мер и весов (LII. 30. 2–9). Все свои просьбы к императору они должны передавать не напрямую, т.е. отправляя посольства, но через наместника, который сам решает, какие просьбы одобрить, а какие отклонить (LII. 30. 9–10). Таким образом, если для Элия Аристида (так же как для Флавия Филострата, например) важна возможность прямого диалога между императором и провинциальной элитой, то, согласно Диону Кассию, именно наместники из числа сенатской знати должны стать посредниками между населением провинций и императорами. Чем же объяснить столь кардинальное различие в подходах двух соплеменников? Совершенно очевидно, что их взгляд на рассмотренные выше принципы взаимодействия Рима с провинциями определялся не культурной и этнической идентичностью, а скорее социальным положением. Вполне вероятно, что отмеченное своеобразие политического мыш-

ления Элия Аристиды связано с принадлежностью автора к греческой муниципальной провинциальной элите. Ещё Е. М. Штаерман на примере исследования творчества Флавия Филострата отмечала основные черты политического идеала, характерного для данного социального строя: автономия городов в сочетании с сильной императорской властью, способной отстаивать интересы муниципальной верхушки перед крупными землевладельцами из числа сенаторов [38, с. 291–292]. Возможно, именно поэтому Аристид в процитированном выше отрывке делает акцент на равенстве перед императором всех, включая сильных мира сего⁴. Дион Кассий, наоборот, стремился существенно уменьшить роль провинциальной знати как потенциальной опоры императора, укрепить и расширить политическое влияние сенаторов [38, с. 296; 39, с. 59], даже несмотря на то, что предлагаемые им меры значительно изменили бы жизнь и облик греческих городов и затронули бы интересы широких слоев городского населения.

Сопоставление воззрений Элия Аристиды и Диона Кассия показывает нам значимость еще одного фактора, который необходимо учитывать при анализе восприятия Рима греками. Речь идет о социальной принадлежности авторов. В этом отношении показателен пример еще одного сенатора греческого происхождения – Арриана. Он, как и другие сенаторы-греки II–III вв., был тесно связан со своей «малой родиной», принимал участие в её делах и отстаивал и её интересы [40], но вместе с тем в комментариях относительно предпринятых им мероприятий по снабжению и инспектированию армии (Arrian. Periplus. 6. 2.) Арриан демонстрирует лояльность к империи и позиционирует себя преданным *legatus Augusti*, не опасаясь при этом скомпрометировать себя в глазах греческой аудитории [1, р. 69; 6, р. 243–244 п. 11; 14, р. 2]. Более того, подобно Диону Кассию, он мог писать о римлянах в первом лице, повествуя, например, о взаимоотношениях Империи с одним из кавказских племен (Perip. Pont. Eux. 11. 1–2). На фоне рассмотренных выше суждений греческих интеллектуалов о Риме и римской власти можно констатировать очевидное своеобразие отношения к Риму греческих авторов, принадлежащих к сенаторскому сословию. Социальное положение, таким образом, оказывается тем фактором, который определил наиболее заметные отличия в трактовках, по крайней мере отдельных аспектов, взаимоотношений греков и римлян. Вместе с тем, как свидетельствуют рассмотренные выше примеры Диона Хризостома, Галена и отчасти Флавия Филострата, не принадлежавших к высшему сословию, но

долгое время живших среди римлян, отношение к Империи и ее правителям могло зависеть как от специфики профессиональной деятельности, так и от превратностей карьеры.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Международный конкурс РГНФ – Государственный комитет по науке Министерства образования Республики Армения 2014 “Цивилизационные и культурные аспекты формирования римского мира в период перехода от республики к принципату”», проект № 14-21-20003.

Работа частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Примечания

1. Флавий Филострат, например, повествуя о Героде Аттике, упоминает один случай, когда софист «обрушился с обвинениями на императора, даже не прибегая к фигуральной речи, хотя человеку, натренированному в подобного рода красноречии, свойственно смирять свой гнев» (VS. 561).
2. По словам Элия Аристиды, именно благодаря римскому гражданству «утверждается общее равноправие (*δημοκρατία*) на всей земле» (Or. XXVI. 60), а бывшее разделение на эллинов и варваров уже не актуально, ибо уступило место новому — на граждан и не-граждан (Or. XXVI. 63). Независимо от того, можем ли мы рассматривать эти рассуждения автора как искреннюю похвалу Риму [41, с. 60], очевиден его интерес к данной теме.
3. О значимости вопроса о языке свидетельствует вложенное Филостратом в уста Аполлония Тианского наставление Веспасиану «тех, кто говорит по-гречески, отправлять в страны, где говорят по-гречески, а тех, кто говорит по-латыни, — туда, где говорят так же или похоже» (VA 36).
4. В «Похвале Риму» есть еще один пассаж, в котором сообщается о наместниках, которые в равной степени оказываются и среди правящих, и среди подчинённых (гл. 31).

Список литературы

1. Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1969. 140 p.
2. Bowie E. Greeks and their past in the Second Sophistic // Past and Present. 1970. V. 46. P. 3–41.
3. Reardon B.P. Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C. Paris: Les Belles Lettres, 1971. 461 p.
4. The Greek Renaissance in the Roman Empire / Eds. by Susan Walker and Alan Cameron. London: University of London Press, 1989. 312 p.
5. Schmitz T. Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit, München: Beck, 1997. 270 S.
6. Swain S. C.R. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250. Oxford: Clarendon Press, 1996. 499 p.
7. Whitmarsh T. The Second Sophistic. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 106 p.
8. Golghill S. Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of

- Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 395 p.
9. Greek Romans and Roman Greeks / Ed. by Ostenfeld E. N. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 287 p.
10. Paideia: The world of the Second Sophistic / Ed. by B. Borg. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 494 p.
11. Sidebottom H. Pausanias: Past, Present, and Closure // *The Classical Quarterly*. 2002. V. 52. P. 494–499.
12. Jacquemin A. Pausanias et les empereurs romains // *Ktema*. 1996. V. 21. P. 29–42.
13. Jones C.P. Multiple identities in the age of the Second Sophistic // *Paideia: The world of the Second Sophistic* / Ed. by B. Borg. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 13–22.
14. Madsen J.M. Patriotism and Ambitions: Intellectual Response to Roman Rule in the High Empire // *Roman rule in Greek and Latin writing: double vision* / Ed. by Jesper Majbom Madsen and Roger Rees. Leiden: Brill, 2014. P. 1–38.
15. Madsen J.M. Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia. London: Duckworth, 2009. 166 p.
16. Pernot L. Aelius Aristides and Rome // *Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods* / Eds. by W.V. Harris, B. Holmes. Leiden: Brill, 2008. P. 175–202.
17. Pernot L. Elogio retorico e potere politico all'epoca della Seconda Sofistica // *Dicere Laudes. Elogio, comunicazione, creazione del consenso, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2010* / Urso G. (cur.). Pisa: Edizioni ETS, 2011. P. 281–298.
18. Habicht C. Pausanias: Guide to Ancient Greece. Berkeley: University of California Press, 1985. 535 p.
19. Ahl F. 1984: The art of Safe Criticism in Greece and Rome // *The American Journal of Philology*. 1984. V. 105. № 2. P. 174–208.
20. Anderson G. The Second Sophistic: a cultural phenomenon in the Roman Empire. London, 1993.
21. Veyne P. L'Identité Grecque devant Rome et L'Empereur // *REG*. 1999. V. 112. C. 510–567.
22. Bowie E. Quid Roma Athenis? How far did imperial Greek sophists or philosophers debate the legitimacy of Roman power? // *Ordine e sovversione nel mondo greco e romano: atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25–27 settembre 2008* / Ed. by Urso G. Pisa: Edizioni ETS, 2009. P. 223–240.
23. Kemezis A. Greek Ethnicity and the Second Sophistic // *A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean* / McInerney J. ed. Malden, Mass.: Blackwell, 2014, P. 390–404.
24. Salmeri G. Dio, Rome and the Civic Life of Asia Minor // *Dio Chrysostom, Politics, Letters, and Philosophy* / Ed. by S. Swain. Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 53–92.
25. Elliot C.J. Galen, Rome and the Second Sophistic: Diss. PhD. Canberra: The Australian National University, 2005.
26. Burden-Strevens C. Ein völlig romanisierter Mann? Identity, Identification, and Integration in the «Roman History» of Cassius Dio and in Arrian // *Processes of Cultural Change and Integration in the Roman World* / Ed. by Roslaar S. Leiden: Brill, 2015. P. 287–306.
27. Марков К.В. Политические взгляды и культурная идентичность Диона Кассия в контексте «греческого возрождения» // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История*. Вып. 1 (5). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С. 13–22.
28. Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // *Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX* / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка. СПб.: Нестор-История, 2011. 456 с.
29. Devreker J. La composition du senat romain sous les Flaviens // *Studien zur Antiken Socialgeschichte: Festschrift Friedrich Vittinghoff* / Eds. by W. Eck, H. Galsterer, H. Woiff. Köln, 1980. P. 257–268.
30. Eck W. Emperor, Senate and Magistrates // *The Cambridge Ancient History. Second edition. V. XI. The High Empire, A.D. 70–192* / Eds. by A. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge, 2000. P. 214–237.
31. Adams J.N. Bilingualism and the Latin Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 866 p.
32. Bowie E. Becoming Wolf, Staying Sheep // *Roman rule in Greek and Latin writing: double vision* / edited by Jesper Majbom Madsen and Roger Rees. Leiden: Brill, 2014. P. 39–78.
33. Zuiderhoek A. On the Political Sociology of the Imperial Greek City // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2008. V. 48. P. 417–445.
34. Preston R. Roman questions, Greeks answers: Plutarch and the construction of identity // *Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire* / S. Goldhill (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 86–119.
35. Hutton W. The Disaster of Roman Rule: Pausanias 8.27.1 // *Classical Quarterly*. 2008. V. 58. P. 622–637.
36. Sánchez Hernández J.P. Pausanias, la transformación del Oriente heleno y la crisis de la República Romana (Notas a Paus. VIII, 27, 1) // *Myrtia*. 2008. V. 23. P. 121–134.
37. Flinterman J.J. Sophists and Emperors: A reconnaissance of sophistic attitudes // *Paideia: The World of the Second Sophistic* / Ed. by Borg B. E. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 359–376.
38. Штаерман Е.М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. 512 с.
39. Смышляев А.Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII, 14–40): проблемы интерпретации // *ВДИ*. 1990. № 1. С. 54–66.
40. Kriekhaus A. Senatorische Familien und ihre patriae (1/2 Jahrhundert n. Chr.). *Studien zur Geschichtsforschung des Altertums*, 14. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2006. 247 S.
41. Марков К.В. Единовластие как «подлинная демократия» в трудах греческих авторов времен Второй софистики: ирония, иллюзия, утопия или идеал? // *ВДИ*. 2013. № 3. С. 52–74.

**ROMAN EMPIRE AND THE RULE OF EMPERORS IN THE PERCEPTION
OF THE GREEK INTELLECTUALS UNDER ANTONINES AND SEVERANS**

K.V. Markov

The paper examines the attitudes of Greek intellectuals of the 2nd–3rd centuries AD to Rome and Roman rule, with special attention being paid to methodological difficulties of the research. The impact of several factors on the perception has been explored. The factors include cultural identity, specific methods of Roman control over Greece, as well as the authors' social origin and status. In our opinion, some differences in the Greek intellectuals' judgments on Rome and Roman rulers could be explained by the specifics of the authors' social standing and career vicissitudes.

Keywords: Ancient Rome, Second Sophistic, cultural identity, Plutarch, Aelius Aristides, Arrian, Pausanias, Galen, Flavius Philostratus, Cassius Dio.

References

1. Bowersock G.W. *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press, 1969. 140 p.
2. Bowie E. *Greeks and their past in the Second Sophistic // Past and Present*. 1970. V. 46. P. 3–41.
3. Reardon B.P. *Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècle après J.-C.* Paris: Les Belles Lettres, 1971. 461 p.
4. *The Greek Renaissance in the Roman Empire / Eds. by Susan Walker and Alan Cameron*. London: University of London Press, 1989. 312 p.
5. Schmitz T. *Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit*. München: Beck, 1997. 270 S.
6. Swain S. C.R. *Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250*. Oxford: Clarendon Press, 1996. 499 p.
7. Whitmarsh T. *The Second Sophistic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 106 p.
8. Golghill S. *Being Greek under Rome. Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 395 p.
9. *Greek Romans and Roman Greeks / Ed. by Ostenfeld E. N.* Aarhus: Aarhus University Press, 2002. 287 p.
10. *Paideia: The world of the Second Sophistic / Ed. by B. Borg*. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. 494 p.
11. Sidebottom H. *Pausanias: Past, Present, and Closure // The Classical Quarterly*. 2002. V. 52. P. 494–499.
12. Jacquemin A. *Pausanias et les empereurs romains // Ktema*. 1996. V. 21. P. 29–42.
13. Jones C.P. *Multiple identities in the age of the Second Sophistic // Paideia: The world of the Second Sophistic / Ed. by B. Borg*. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 13–22.
14. Madsen J.M. *Patriotism and Ambitions: Intellectual Response to Roman Rule in the High Empire // Roman rule in Greek and Latin writing: double vision / Ed. by Jesper Majbom Madsen and Roger Rees*. Leiden: Brill, 2014. P. 1–38.
15. Madsen J.M. *Eager to be Roman: Greek Response to Roman Rule in Pontus and Bithynia*. London: Duckworth, 2009. 166 p.
16. Pernot L. *Aelius Aristides and Rome // Aelius Aristides between Greece, Rome and the Gods / Eds. by W.V. Harris, B. Holmes*. Leiden: Brill, 2008. P. 175–202.
17. Pernot L. *Elogio retorico e potere politico all'epoca della Seconda Sofistica // Dicere Laudes. Elo-*
- gio, comunicazione, creazione del consenso, Cividale del Friuli, 23–25 settembre 2010 / Urso G. (cur.)*. Pisa: Edizioni ETS, 2011. P. 281–298.
18. Habicht C. *Pausanias: Guide to Ancient Greece*. Berkeley: University of California Press, 1985. 535 p.
19. Ahl F. 1984. *The art of Safe Criticism in Greece and Rome // The American Journal of Philology*. 1984. V. 105. № 2. P. 174–208.
20. Anderson G. *The Second Sophistic: a cultural phenomenon in the Roman Empire*. London, 1993.
21. Veyne P. *L'Identité Grecque devant Rome et L'Empereur // REG*. 1999. V. 112. C. 510–567.
22. Bowie E. *Quid Roma Athenis? How far did imperial Greek sophists or philosophers debate the legitimacy of Roman power? // Ordine e sovversione nel mondo greco e romano: atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25–27 settembre 2008 / Ed. by Urso G.* Pisa: Edizioni ETS, 2009. P. 223–240.
23. Kemezis A. *Greek Ethnicity and the Second Sophistic // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean / McInerney J. ed.* Malden, Mass.: Blackwell, 2014, P. 390–404.
24. Salmeri G. *Dio, Rome and the Civic Life of Asia Minor // Dio Chrysostom, Politics, Letters, and Philosophy / Ed. by S. Swain*. Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 53–92.
25. Elliot C.J. *Galen, Rome and the Second Sophistic: Diss. PhD.* Canberra: The Australian National University, 2005.
26. Burden-Stevens C. *Ein völlig romanisierter Mann? Identity, Identification, and Integration in the «Roman History» of Cassius Dio and in Arrian // Processes of Cultural Change and Integration in the Roman World / Ed. by Roslaar S.* Leiden: Brill, 2015. P. 287–306.
27. Markov K.V. *Politicheskie vzglyady i kul'turnaya identichnost' Diona Kassiya v kontekste «grecheskogo vozrozhdeniya» // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Ser. Istoriya. Vyp. 1 (5)*. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 2006. S. 13–22.
28. Mahlayuk A.V. *Istoriik «veka zheleza i rzhavchiny». Kassij Dion i ego «Rimskaya istoriya» // Kassij Dion Kokkejan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX / Per. s drevnegrech. pod red. A.V. Mahlayuka; komentarii i stat'ya A.V. Mahlayuka*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2011. 456 c.
29. Devreker J. *La composition du senat romain sous les Flaviens // Studien zur Antiken Socialgeschichte: Festschrift Friedrich Vittinghoff / Eds. by W. Eck, H. Galsterer, H. Woiff*. Köln, 1980. P. 257–268.

30. Eck W. *Emperor, Senate and Magistrates* // *The Cambridge Ancient History*. Second edition. V. XI. *The High Empire, A.D. 70–192* / Eds. by A. Bowman, P. Garnsey, D. Rathbone. Cambridge, 2000. P. 214–237.
31. Adams J.N. *Bilingualism and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 866 p.
32. Bowie E. *Becoming Wolf, Staying Sheep* // *Roman rule in Greek and Latin writing: double vision* / edited by Jesper Majbom Madsen and Roger Rees. Leiden: Brill, 2014. P. 39–78.
33. Zuiderhoek A. *On the Political Sociology of the Imperial Greek City* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2008. V. 48. P. 417–445.
34. Preston R. *Roman questions, Greeks answers: Plutarch and the construction of identity* // *Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire* / S. Goldhill (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. P. 86–119.
35. Hutton W. *The Disaster of Roman Rule: Pausanias 8.27.1* // *Classical Quarterly*. 2008. V. 58. P. 622–637.
36. Sánchez Hernández J.P. *Pausanias, la transformación del Oriente heleno y la crisis de la República Romana (Notas a Paus. VIII, 27, 1)* // *Myrtia*. 2008. V. 23. P. 121–134.
37. Flinterman J.J. *Sophists and Emperors: A reconaissance of sophistic attitudes* // *Paideia: The World of the Second Sophistic* / Ed. by Borg B. E. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. P. 359–376.
38. Shtaerman E.M. *Krizis rabovladel'cheskogo stroya v zapadnyh provinciyah Rimskoj imperii*. M., 1957. 512 c.
39. Smyshlyaev A.L. «Rech' Mecenata» (Dio Cass. LII, 14–40): *problemy interpretacii* // *VDI*. 1990. № 1. S. 54–66.
40. Kriekhaus A. *Senatorische Familien und ihre patriae (1/2 Jahrhundert n. Chr.)*. Studien zur Geschichtsforschung des Altertums, 14. Hamburg: Verlag Dr. Kovac, 2006. 247 S.
41. Markov K.V. *Edinovlastie kak «podlinnaya demokratiya» v trudah grecheskih avtorov vremen Vtoroj sofistiki: ironiya, illyuziya, utopiya ili ideal?* // *VDI*. 2013. № 3. S. 52–74.